

— Ты действительно хочешь заставить меня сделать это именно сейчас? Кто-то хочет меня убить! Позавчера я взял годы жизни, и это выдало моё местоположение, вот меня и обнаружили. Здесь же Равнина Саньму, тысячи глаз, если меня раскроют, ты ничего не получишь!

— Что? Ты угрожаешь мне? — Хриплый голос не изменился, но в нём чувствовалась скрытая ярость. — Ты спокойно добываешь мне годы жизни, чтобы продлить её, а я обеспечиваю тебе уважение и почёт. Это то, о чём мы договорились. Ты сам согласился работать на других, и теперь тебя преследуют, какое это имеет отношение ко мне?

— Но этот человек...

— Мне всё равно, кто он! Твои проблемы не касаются меня. Он не может ждать долго, я даю тебе два дня, если не принесёшь годы жизни, чтобы продлить его жизнь, я возьму твою! И ещё... — Листья в кустах слегка зашевелились, человек двинулся, и на стене появилась тень половины головы.

— Не смей больше приносить мне годы жизни умирающих, которых хватит всего на три-пять лет!

Сказав это, он не стал ждать ответа, и тень на стене исчезла.

Сы Хуай, спрятавшийся за деревом, обменялся взглядом с У Нянем, увидев, что тот тоже удивлён, нахмурился ещё сильнее и быстро побежал к месту, откуда доносился голос. Раздвинув колючие кусты, он обнаружил, что там, кроме давно упавших листьев, ничего не было, словно тихий спор двух людей был лишь ночным видением.

У Нянь быстро последовал за ним, увидев пустоту, раздвинул кусты с другой стороны, острые шипы оставили царапину на его руке, но он не обратил внимания, наклонился и полез в кусты, через мгновение вытащив порванного бумажного змея.

— Исчезли в никуда, эти двое — демоны или призраки?

У Нянь покачал головой, не ответив, повертел в руках змея и повесил его на ветку.

Будь они демонами или призраками, это явно не был бумажный змей.

Это место было слишком уединённым, ночные патрули семьи Шэн сюда не заходили, и если бы они не решили обойти людные места, они бы никогда не услышали разговор позади. Теперь, когда они не поймали никого, а нашли лишь старого змея, никто бы им не поверил.

Сы Хуай вздохнул, разгладил морщины на лбу, поднял небольшой свёрток и улыбнулся:

— Ночь глубокая, здесь больше ничего не случится, давай вернёмся, маленький монах в комнате голоден.

Семья Шэн не готовила обед для банкета, только сварила кашу для учеников, и к полуночи маленький Чэнь И, всё ещё болеющий, наверняка уже голодал.

У Нянь кивнул, протянул руку, чтобы взять свёрток, но Сы Хуай уже повернулся и пошёл вперёд, напевая неизвестную мелодию, словно уже забыв о странном происшествии.

Сы Хуай был спасителем молодого хозяина семьи Шэн, жил в роскошных апартаментах, а У

Нянь — в скромной комнате для гостей. Но сейчас он шёл в сторону комнаты У Няня.

Монах сзади потрогал свою бритую голову, почувствовав холод, и быстро последовал за ним.

Неизвестно, было ли это событие слишком странным, но его спокойствие слегка пошатнулось, дыхание участилось с ускорением шагов.

В комнате горела лишь слабая свеча, маленький монах, укутанный в одеяло, уже крепко спал.

На столе стояла корзинка с едой, в которой была пустая миска и половинка печенья.

Сы Хуай взял печенье и сунул его в рот, положив свёрток на пустую миску.

— Сегодняшние события слишком странные, неизвестно, правда ли, что кто-то берёт годы жизни, но Чэнь И — ребёнок, тебе нужно быть осторожным. Судя по словам того человека, годы жизни умирающих слишком малы, и чтобы получить больше, они могут напасть на больного ребёнка.

— Да, — У Нянь кивнул, наклонился, поправил сбившееся одеяло и проверил лоб Чэнь И, глубоко вздохнув.

Он взял керосиновую лампу со стола, наклонил свечу, чтобы зажечь фитиль, и осторожно поднес её к Сы Хуаю, тихо сказав:

— Уже поздно, господин Хуай, идите отдыхать.

Сы Хуай смотрел на огонь, не зная, то ли от холода, то ли от вина, но чувствовал, как всё тело нагревается, ноги стали слабыми, голова закружилась, и он вдруг неосознанно схватил руку У Няня.

У Нянь инстинктивно хотел отстраниться, но, отступив, упёрся в кровать и остался стоять, позволяя ему держать свою руку, с лёгкой улыбкой.

Его рука была тёплой и мягкой, с лёгким холодом ночи, на тыльной стороне была царапина, из которой сочилась кровь, словно лепестки сливы на снегу.

Лёгкий аромат сандала наполнил нос Сы Хуая, он мягко провёл пальцем по его руке и улыбнулся:

— Мне всё же нравится, когда ты называешь меня Ци Чжоу.

В мерцающем свете огня его тёмные глаза были спокойны, как вода, чисты и ясны, полны глубоких мыслей, превращаясь в нежность и тепло.

Красная родинка на верхнем веке, словно капля крови или киноварь, нанесённая нефритовой кистью, под улыбающимися глазами была неотразима.

Сзади раздался сонный вздох маленького монаха, У Нянь быстро отвёл взгляд от лица Сы Хуая, вырвал свою руку и несколько раз прошептал мантру для очищения ума, пока все посторонние мысли не исчезли, и снова посмотрел на Сы Хуая.

— Вы пьяны, господин, и ошиблись человеком, — сказал он.

Сы Хуай, вырвавшись, уже почти протрезвел, в сердце появилось чувство пустоты, он слабо

улыбнулся, сложил руки в поклоне и извинился несколько раз, даже не взяв лампу, и поспешно выбежал из комнаты.

Ночью выпал лёгкий иней, Сы Хуай шёл по холодному ветру, вернулся в свою комнату и упал на кровать.

Сегодняшние события были слишком непродуманными, он не мог понять, то ли это было действие вина, то ли подавленная тоска превратилась в желание.

В комнате не горел свет, Сы Хуай закрыл глаза рукой, но не мог стереть из памяти образы Лин Цзюня и У Няня, дыхание становилось тяжелее, голова кружилась, и он словно погрузился в бездну тьмы.

Проснувшись, он не знал, сколько времени прошло, Сы Хуай сел, потер слегка опухшую голову, тихо удивляясь, насколько сильным оказалось вино семьи Шэн.

Дверь тихо постучали три раза, за ней стояла неясная фигура, не похожая на Шэн Цзиньчэна.

Не дожидаясь, пока он встанет, человек уже открыл дверь, поставил таз с водой на стол и аккуратно выжал мокрое полотенце.

Сы Хуай выпрямился на краю кровати, не веря, что перед ним был У Нянь, которого он вчера «оскорбил» и бросил, размышляя, не случилось ли чего, но почувствовал, что с его телом что-то не так, спина слегка болела.

У Нянь подошёл к нему с полотенцем, взгляд скользнул по его телу, остановился на руке, поддерживающей спину, и в его глазах появилось чувство вины, он стал вытирать его ещё нежнее.

Сы Хуай схватил его руку, незаметно отодвинулся, взял полотенце и быстро вытер лицо, затем осторожно сказал:

— Наставник У Нянь, вчера я слишком много выпил, не хотел вас обидеть...

— У Нянь? — Он проверил лоб Сы Хуая, нахмурился. — Ци Чжоу, ты всё ещё не протрезвел?

— Ци... — Сы Хуай замолчал, огляделся вокруг, посмотрел на человека перед собой и вдруг понял, что что-то не так.

Это не была комната семьи Шэн, в которой он заснул прошлой ночью, и перед ним был не У Нянь.

С тех пор, как он встретил У Няня, тот всегда носил серую рясу, а перед ним был монах в одежде цвета магнолии...

— Лин Цзюнь?